

И.С. Хугаев

Ирлан Сергеевич Хугаев

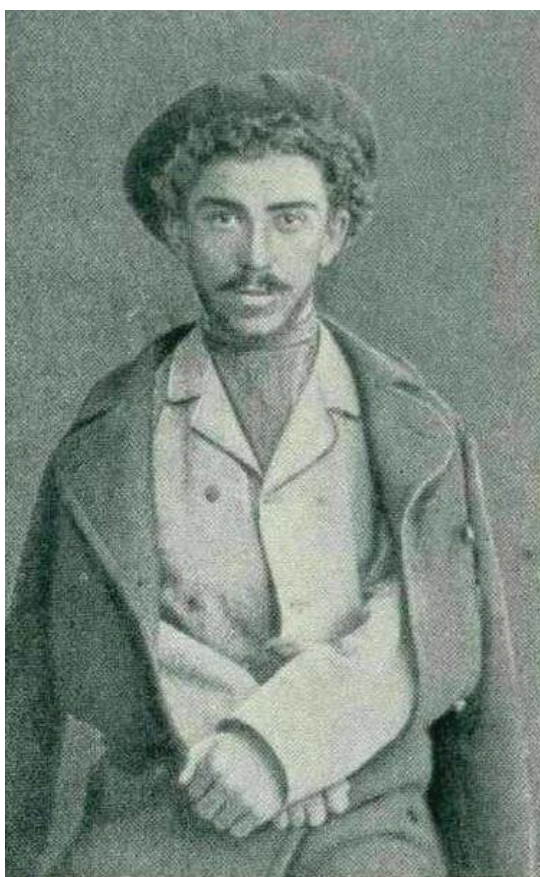
Владикавказский научный центр Российской академии наук, Комплексный научно-исследовательский отдел, ведущий научный сотрудник, доктор филологических наук, e-mail: shmiksel@rambler.ru.

Опыт популярной хрестоматии осетинской малой прозы: Коста Хетагуров «Предложение»

Литературное развитие выражается не только в совершенствовании языка и стиля, но и, естественно, в освоении литературой новых жизненных явлений, зачастую выходящих за рамки строго народного быта и национальной проблематики. При этом литература вовсе не обязательно перестает быть национальной, как она не перестает быть таковой даже при пользовании языком другого народа (об этом мы уже говорили в свое время).

Было бы странно утверждать, например, что осетинская (шире горская) литература – это такая литература, в которой описываются только горы и горцы. В конечном счете это означало бы не только то, что многие произведения, например Коста Хетагурова, не являются осетинской литературой, но и то, что некоторые произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и Л.Н. Толстого являются осетинской литературой, а в лице В.Я. Искуля мы имеем безусловно осетинского писателя. Это, конечно, абсурд.

Гарантией национальности того или иного литературного произведения выступает национальное самосознание и мировосприятие автора, даже когда он описывает марсиан и летающие тарелки. Другое дело, когда у автора нет национального самосознания, когда он не является носителем национальной культурной традиции: в этом случае, живописуй он исключительно горцев и горянок, он все равно не может быть признан горским художником.

Коста Хетагуров в студенческие годы.
(1882)

Сложность, однако, в том и состоит, чтобы увидеть в том или ином тексте национальное видение писателя, элементы стиля и содержания, которые указывают на его этнокультурную принадлежность. Батырбек Туганов в этом смысле сильно рисковал своей репутацией горца, описав приступ страсти Хангеря (рассказ «Ханифа»); рисковал в той же степени, что и его герой; но, приведя его к покаянию, он реабилитировался и сам.

Особняком стоит в осетинской литературе и рассказ Коста Левановича Хетагурова (1859–1906) «Предложение» (впервые текст опубликован в газете «Северный Кавказ» в 1889 году, в № 84). Тема, в сущности, тоже щекотливая для осетинского сознания соответствующей эпохи. Хорошо, что осетинские аксакалы хетагуровской эпохи не умели читать: они не преминули бы пожуричь автора за фривольность на своем ныхасе. А если серьезно, то, очевидно, потому данная

тема и была поднята Коста Хетагуровым, что он и сам был смущен и шокирован некоторыми нормами цивилизованного мегаполиса, очага европейской культуры, каким был в то время и остается по сей день Санкт-Петербург.

Как известно, с 1881 по 1885 гг. Коста Хетагуров учился в Петербургской академии художеств; представьте себе молодого горца той эпохи, воспитанного в условиях традиционного патриархального адата, вдруг оказавшегося на Невском бульваре:

сколько потрясений для впечатлительного сердца, тем более жестоких, что речь идет о сердце поэта!

Об этом рассказе в свое время много писали осетинские критики и литературоведы. Основанием тому послужили, как нам кажется, не достоинства литературного произведения, а личность автора – основоположника осетинской литературы и безусловного нравственного авторитета осетинского народа, каким стал для осетин Коста. При этом коротенькому рассказу приписывали избыточно высокие качества и придавали чрезмерное значение, что никак не согласуется с его реальным содержанием. Например, ввиду только того, что автор написал под заголовком своего текста слово «Отрывок», некоторые специалисты всерьез утверждали, что рассказ является фрагментом утерянного романа Коста Хетагурова.

Ни в коей мере не покушаясь на истину и не умаляя действительных успехов художника в этом «отрывке» (это всего лишь авторское определение жанра), следует признать, что «Предложение» абсолютно не претендует ни на серьезность, ни на широту охвата действительности, ни на глубину идеи. Если смотреть на «Предложение» как на серьезную вещь – оно делает смотрящего (собственно читателя) участником анекдота; единственный способ увидеть его подлинную серьезность – смотреть на него как на «легкий» жанр, в котором в качестве главного героя фигурирует девица «легкого» поведения.

Конечно, произведение Хетагурова следует рассматривать в контексте большой общеевропейской и русской литературной традиции, по которой писатели рассматривали проститутку как жертву жестоких общественных законов: достаточно вспомнить «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, «Надежду Николаевну» В.М. Гаршина, «Воскресение» Л.Н. Толстого, «Яму» А.И. Куприна. Эти произведения объединяет не только внешняя тема, но и идейное направление, именно защита «униженных и оскорбленных», к которым писатели и вообще русская интеллигенция относили проституток. «Женщина ни в чем не виновата», – утверждал по этому поводу Д.И. Писарев; женский вопрос исторически связывался с буржуазными преобразованиями, с борьбой против крепостничества и самодержавия, за социальную справедливость. «Мир падших женщин», по В.В. Воровскому, был для интеллигента «объектом покаянных настроений... Образ проститутки как бы впитал в себя, в глазах интеллигента, все несправедливости, все обиды, все насилия, совершенные в течение веков над человеческой личностью, и стал своего рода святыней».

Вероятно, для Коста Хетагурова как представителя традиционной горской культуры женский вопрос имел в известном смысле даже более принципиальный и интригующий характер, чем для русских писателей. Пресловутая тема ущемленного положения горянки (о ней писали все кому не лень) тускнеет на фоне явлений, которые он имел

возможность наблюдать в просвещенном европейском городе. Но не надо думать, что Коста был моралист и ипохондрик, тщедушный, болезненно рефлексирующий интеллигент, обуянный страхами и комплексами; о нет, он умел над собой посмеяться, иначе он не позволил бы Наташе «щипать» своего героя за бороду. Самоирония – вот подлинное качество большого человека и художника, которое Коста безусловно было присуще и которое мы не вправе у него отнимать. Именно так: Хетагурову достаточно его истинных достоинств, и ни к чему приписывать ему мнимые. В том числе романы, которых он не писал.

К.Л. Хетагуров ПРЕДЛОЖЕНИЕ (Отрывок)

– Итак, протекли четыре года после университетской жизни.

Однажды вечером, прогуливаясь по Невскому, с целью высмотреть хорошенькую кокетку, я невольно остановился перед одной молоденькой особой. Яркий свет витрины, приковавшей ее внимание модными безделушками, дал мне возможность рассмотреть ее как нельзя лучше... Вы не можете себе представить, что это была за красавица! Беспokoйно-кокетливый взгляд ее жаучих глаз проник до глубины моей души... С нею не было кавалера. Я долго не решался дать ей заметить, что я иду по ее стопам. На одном перекрестке извозчик преградил ей дорогу. Она остановилась... Я очутился рядом с нею... Наши плечи слегка коснулись друг друга... Тот же приковывающий взгляд, та же обворожительная улыбка на ее прелестных губах!.. Я почувствовал в себе больше смелости.

– Вы позволите?.. – спросил я замирающим голосом. Ее, по-видимому, удивила моя скромность.

– Будьте так любезны... – ответила она и добродушно засмеялась...

Я задышался от блаженства. Мы шли довольно скорым шагом. Неужели, думал я, такое дивное создание может публично торговать своими обворожительными формами? Нет, никогда! Это было бы слишком чудовищно. Она хочет посмеяться надо мною, хочет завлечь меня и моею же пошлостью швырнуть мне в лицо, моею же грядью забрызгать мое нахальство... Звонкий ее смех рассеял мои неуместные подозрения.

– Что же вы молчите? С вами скучно гулять...

– Я очарован, я предвкушаю блаженство твоего горячего поцелуя... – Мне стоило необыкновенных усилий сказать ей эту пошлость.

– Вот как!.. Возьмите извозчика! – И она круто повернула к стоящему у фонаря «Ваньке».

Я сел рядом с нею и взял ее за талию.

– Вы студент?

– Нет, я уже окончил курс.

- Где?
- В университете.
- Служите?
- Нет.
- Что же вы делаете?
- Бездельничаю.

Она звонко расхохоталась и затем, беззаботно продолжая смеяться всю дорогу, стала рассказывать мне самые возмутительные анекдоты, самые отвратительные похождения на этом позорном поприще. Передавала мне свои наблюдения над посетителями ее гостеприимного ложа, удивительно метко обрисовывая при этом особенности, присущие тому или другому званию. Вульгарность ее рассказа возмущала меня до глубины души... Я инстинктивно чувствовал, что эти пошлые фразы – не звуки ее сердца, не проявление ее души. В них я слышал что-то фальшивое, что-то напускное, как бы необходимое для ее роли. Но что замечательно, талантливый артист, в какой бы возмутительной роли ни являлся он на сцене, все же своей игрой поглощает все существо зрителя, и чем больше правдивости в его игре, тем отвратительнее делается порок, тем очевиднее становится высокое значение добродетели.

Я промолчал всю дорогу, не сводя глаз с ее прелестного лица. Не помню, как я очутился рядом с нею на диване в ее гостиной.

– Развеселись же, наконец, а то я тебе всю бороду выщиплю, – обратилась она ко мне, усаживаясь на мои колени и ласково взяв меня за бороду. Я молчал... Она кокетливо посмотрела на меня, в глаза, приподняла мою голову, похлопала меня по щеке и страстно поцеловала... я невольно поморщился. Вы понимаете?.. Понимаете ли вы – я поморщился от жгучего поцелуя такой красавицы и знаете, почему? Что должен испытывать актер-старик, да к тому же урод, загримированный для роли молодого влюбленного, в тот момент, когда его мнимая подруга, молодая бойкая актриса, целуя его, старается, чтобы звук поцелуя звонко и отчетливо пронесся по всем уголкам обширной театральной залы; актер, который сознает, что его размалеванная физиономия не может служить источником таких страстных поцелуев, что они ни больше ни меньше, как только жалкое орудие личных интересов артистки на поприще сценического искусства?.. То же самое испытывал и я при первом поцелуе моей Наташи, когда она, в силу необходимости занимаясь позорным промыслом, артистически исполняла на моих коленях роль безнравственной, развращенной до мозга костей проститутки. Не трудно было угадать, что она должна была почувствовать в ту минуту, когда увидела тщетность своих усилий возбудить во мне животные инстинкты... Холодное пренебрежение к ее поцелую окончательно оскорбило ее самолюбие. Лицо мгновенно побарывело; улыбка исчезла с ее губ; жгучий взгляд

силится проникнуть в тайники моей души. Я невольно опустил глаза. Казалось, она угадала мою мысль. Комната огласилась звонким сценическим хохотом...

– Если бы я знала, что ты такой монах, я бы ни за что не поехала с тобой... Я думала, что ты мужчина, а ты... – Она опять принужденно захохотала и быстро соскользнула с моих колен.

Я молча следил за нею. Не спуская с меня глаз, она с тем же хохотом плавно прошла в соседнюю комнату и как-то вдруг перестала смеяться.

О, если б вы знали, что со мной делалось в это время! Надежда вызвать ее на откровенность бледнела перед крепнувшей верой в ее непоколебимую гордость, в ее настойчивое желание остаться верной своей роли и доиграть ее с полным самообладанием артиста. Я впервые понял тогда со всею очевидностью все свое ничтожество и всю неизмеримую силу этой возвышенной натуры... Я полюбил ее в ту минуту.

Сдержанный шепот невольно обратил мое внимание. Двери, соединявшие нас, притворились; я заинтересовался еще более, подошел к ним и стал вслушиваться...

– Не принимай его, не принимай! – говорил дрожащий голос Наташи. – Скажи, что меня дома нет...

– Он знает, что ты дома, – ответил ей хриплый женский голос.

– Ну, так скажи, что я больна, что не могу его принять... Не пускай его ко мне. Я не могу... – Последовало легкое восклицание: – Уйдите! – продолжала она с отчаянием: – Зачем вы сюда пришли?! Уходите! Уходите отсюда!

– Наташа, голубушка! Что ты пугаешься... ведь это я – твой Вольдемар, – с легкой усмешкой старался успокоить ее мужской голос. – Не узнаешь?!

– Дворник! – крикнула Наташа во весь голос. – Аксинья! Позови скорей дворника... Пусть выведет этого князька... Прочь, прочь, не прикасайтесь ко мне, не оскверняйте семейного союза: у вас молодая жена, княгиня... красавица... – И она истерично зарыдала.

– Наташа, опомнись, – начал было опять мужской голос. – Ведь мы любим друг друга...

– Молчите! – перебила она. – Я вас не знаю. Если вы не хотите скандала, оставьте немедленно мою квартиру.

– Нет, ты шутишь, Наташа... Я уверен, что ты любишь меня...

– Люблю? Тебя? – Она нервно захохотала... – Нет, я презираю тебя, негодяя... – Вслед за тем послышался стук и опять голос Наташи, но уже более глухой. – Дворник, дворник! – кричала она, как надо полагать, в растворенное окно.

– Наташа! – перебил ее тревожный голос мужчины. – Опомнись!.. Что ты делаешь! Я уйду...

– Ну, так прочь же, прочь! Сию секунду... Дворник! – крикнула она еще раз.

– Проклятая потаскушка! – произнес с озлоблением мужчина.

Последовала небольшая пауза.

– Ступай проводи его и замкни за ним двери, – закончила Наташа тихим взволнованным голосом; и все замолкло...

Я был весь в огне. Тело мое дрожало, как в лихорадке. Сомнения мои рассеялись... Я увидел истину во всей ее полноте. Эта странная случайность вывела меня из темного лабиринта, возвратила мне веру в самого себя, осветила неугасаемым огнем лучшие стороны моей души... Любовь Наташи стала для меня высшей наградой за все, что бы ни пришлось перенести ради ее достижения...

Я стал ходить по комнате.

Не прошло и десяти минут, как двери распахнулись и в них, как в картинной рамке, появилась Наташа. Поверите ли? Я до сих пор рисую в своем воображении этот дивный, не поддающийся никакому описанию, момент, когда Наташа бесспорно достигла самой высшей точки своего величия. Лицо ее было бледно, большие бархатные глаза ласкали кротким приветливым лучом... губы слегка дрожали... Густые каштановые волосы сползали живописными прядями на открытые плечи... Тонкая батистовая рубашка ясно обрисовывала ее очаровательные формы... Наши взоры встретились... Впечатление, произведенное ее появлением, не ускользнуло от ее наблюдательности. Радостная улыбка осветила ее лицо... Голова кокетливо склонилась на сторону, обнаженные руки приготовились заключить меня в свои объятия... Еще один момент, – и Наташа была вправе торжествовать.

– Что вы делаете?! Вы с ума сошли. Вставайте, вставайте! – говорила она в замешательстве.

Я стоял на коленях и просил ее руки.

На все мои уверения и клятвы она отвечала обычным сценическим хохотом. Так прошло около минуты; наконец она перестала смеяться, выпрямилась и, скрестив на груди руки, окинула меня холодным, леденящим сердце и кровь взглядом.

– Несчастный! – произнесла она после продолжительной паузы. – Вы хотите пощеголять перед бездельниками своим благородным порывом... Я вас ненавижу, – добавила она тоном глубокого презрения и медленно прошла в соседнюю комнату.

Я был разбит окончательно.

Не знаю, долго ли я еще простоял на коленях; не помню, говорил ли я еще что-нибудь... Помню только, что я уже сидел на диване и рыдал, как ребенок. Наташа сидела рядом со мной и старалась меня успокоить. Она была одета в черное, волосы были подобраны; лицо пылало, на глазах оставались следы недавних слез. Она говорила мягко, но убедительно; ласкала меня, как младенца, который по детской наивности, желая взять пламя, обжег себе руку и, рыдая, протягивает к нему

другую... В самых ужасных красках рисовала она свое прошедшее. В каком отвратительном виде старалась выставить себя в настоящем! Как силилась она доказать мне ошибочность моих мнений, безумство моего предложения! Но напрасно! Я был тверд, потому что глубоко верил в ее величие, потому что полюбил ее со всею силой моей души... И я не ошибся, мне не пришлось раскаиваться.

1889 (?)

РЕЗЮМЕ

Коста, конечно, не был занудой, но про себя я не могу этого утверждать. Поэтому скажу в заключение два слова, не регламентированных литературным гуманизмом. Таких, как хетагуровская Наташа, называют сегодня представительницами «самой древней профессии». Тем самым опосредованно подтверждается законность этого «рода деятельности». Но профессия ли это? Профессия – это общественно и лично полезный труд, предполагающий в основе определенное знание, дисциплину и культуру. Нет, это не профессия, сколь ни была бы эта деятельность направлена на «общественные нужды». У человека много нужд, и далеко не все следует удовлетворять и поощрять.

Слова, которыми мы называем предметы и явления, обладают двойным характером: они могут как вскрывать природу вещей, так и вуалировать ее. Называя проституцию профессией, наши идейные оппоненты тихой сапой либерализуют наше сознание: сначала примиряют, а потом и срывают его с грехом и ложью. Если проституция – профессия, то и воровство, и грабеж, и мошенничество – тоже профессии. Поздно, как говорится, «пить боржом»: уже и журналисты центрального телевидения говорят в своих криминальных хрониках: «Мошенники заработали столько-то, грабители заработали столько-то»... Как же они заработали, если дело в том и заключается, что они на все готовы, лишь бы не работать? А если они заработали, то какие же они мошенники?..

Но не только то плохо, что сегодня у нас зарабатывает тот, кто не работает, а и то, что у нас зарабатывает тот, кто работает. Впрочем, это и раньше нередко было так. Коста, например, всю жизнь работал – и остался бедняком. Зато каким бедняком! – через него мы все богаче стали.

И Наташа богаче стала через своего непутевого бородатого кавалера. Конечно, здесь не стоит искать автобиографической подоплеки (несмотря даже на бороду): это фантазия, выдумка: Коста никогда не решился бы заговорить с кокеткой – и уж тем более пойти к ней домой; но если бы это случилось-таки, то, очень возможно, он посчитал бы долгом на ней жениться и сделал бы ей предложение. Хотя бы для того, чтобы избавить ее от ее сомнительной профессии. Возможно, именно в этом неожиданном литературном повороте, в этом по-рыцарски великодушном финале и скрыто истинное лицо повествователя, осетина Коста.